ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 130.31
doi: 10.17223/15617793/479/6

Теория двух сенсориумов и проблема аутизма

Федор Иванович Гиренок[1]

[1] *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, girenok@list.ru*

Аннотация. Анализируется проблема аутизма, которая рассматривается автором в горизонте поисков ответов на вопросы о том, что такое человек, что такое сознание и что такое интеллект. Сделан вывод о существовании двух сенсориумов человека. Один сенсориум существует для внешней жизни, другой – существует для внутренней жизни человека. У аутиста есть только один сенсориум. Проблема состоит в том, чтобы помочь ему сформировать сенсориум его отношения к самому себе. В этом случае его интеллект будет встроен в сознание. Тем самым аутист получит навигатор для своей внутренней жизни.

Ключевые слова: сознание, интеллект, мозг, гиперсеть, галлюценоз, воображение, кажимости, аффект, человек, внутренняя жизнь

Для цитирования: Гиренок Ф.И. Теория двух сенсориумов и проблема аутизма // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 58–62. doi: 10.17223/15617793/479/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/6

The theory of two sensoriums and the problem of autism

Fedor I. Girenok[1]

[1] *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, girenok@list.ru*

Abstract. The article analyzes the problem of autism. The author considers this problem in the horizon of searching for answers to questions about what a human is, what consciousness is and what intelligence is. The term “autism” comes from the Greek word autos, which means “self”. This term was introduced into scientific use by the Swiss psychiatrist E. Bleiler in 1911. He also coined the word “schizophrenia”. Describing patients suffering from schizophrenia, Bleiler noted their state of escape from reality and withdrawal into themselves, into their dreams. In 1943, Kanner gave the first description of childhood autism. In 1944, the Austrian psychiatrist Asperger described the syndrome of “autistic psychopathy”. Asperger’s syndrome is a special form of autism with a high level of intelligence. Autistic people of this level can work like a computer. Their thought is not controlled by emotion. They do not understand what a rule is and what it means to be right. There are 1,000 times more geniuses among autistic people than among ordinary people. For psychologists, autism is limited to deviation from the norm, illness, dementia. For philosophers in autism, it is important to reject external causation and recognize the fundamental status of randomness. J. Kristeva tried to analyze the phenomenon of autism. She developed the theory of an autistic person as a “person with an unspoken meaning”. The essence of this theory is a revision of Kant’s idea of productive imagination a priori. Kristeva, following Lacan, thinks of the imaginary as the boundary between the real and the symbolic. An autistic person, in her opinion, crosses this border, but cannot cross the border between the imaginary and the language, that is, the symbolic one. Kristeva forgets that children hallucinate before speaking. The imaginary is the boundary of language, not the other way around. Investigating the phenomenon of autism, the author comes to the conclusion that there are two human sensoriums, two sets of feelings. One sensorium exists for the external life, the other sensorium exists for the internal life of a person. The first sensorium includes five ordinary senses. The second includes a sense of oneself, a sense of belonging to the whole, a sense of time, a sense of reality, a productive capacity of imagination and faith. Autistic people have only one sensorium. The problem is to help them form the sensorium of their attitude towards themselves. In this case, their intelligence will be embedded in consciousness. Thus, autistic people will receive navigators for their inner lives.

Keywords: consciousness, intellect, brain, hypernet, hallucinosis, imagination, appearances, affect, human, inner life

For citation: Girenok, F.I. (2022) The theory of two sensoriums and the problem of autism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 58–62. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/6

В чем состоит проблема аутизма? Эта проблема сводится к следующему: аутист почему-то отказывается говорить от своего имени, он не признает слово «я» и предпочитает говорить о себе в третьем лице. Тем са-

© Гиренок Ф.И., 2022

мым он дает повод думать об исчезновении у него приватного мира, а также аутист не горит желанием осваивать язык и уклоняется от коммуникации с другими. Он не видит отличия между человеком и вещью и поэтому не следует социальным правилам. При этом нужно заметить, что ни один аутист не похож на другого [1].

Аутизм интересует разных специалистов, которые пытаются объяснить этот феномен. Интересует он и философию. Термин «аутизм» происходит от греческого слова autos, что означает «сам». Этот термин ввел в научный обиход швейцарский психиатр Э. Блейлер в 1911 г. Он же придумал слово «шизофрения». Описывая пациентов, страдающих шизофренией, Блейлер отметил у них состояние бегства от реальности и ухода в себя, в свои грезы. В 1943 г. Каннер впервые дал описание детского аутизма. В 1944 г. австрийский психиатр описал синдром «аутистическая психопатия» [2]. Синдром Аспергера – это особая форма аутизма с высоким уровнем интеллекта. Аутист этого уровня может работать, как ЭВМ. Его мысль не управляется эмоцией. Он не понимает, что такое правило и что значит правильно. Среди аутистов гениев в 1 000 раз больше, чем среди обычных людей.

Для психологов аутизм исчерпывается отклонением от нормы, болезнью, слабоумием. Для философов в аутизме важен отказ от внешнего причинения и признание фундаментального статуса случайности. Феномен аутизма попыталась проанализировать Ю. Кристева [3]. Она разработала теорию аутиста как «человека с невысказанным смыслом». Суть этой теории состоит в пересмотре идеи продуктивного воображения априори Канта. Кристева, следуя за Лаканом, мыслит воображаемое как границу между реальным и символическим. Аутист, на ее взгляд, пересекает эту границу, но не может пересечь границу между воображаемым и языком, т.е. символическим. Кристева забывает о том, что, прежде чем говорить, ребенок галлюцинирует. Воображаемое – граница языка, а не наоборот.

Мы попытаемся рассказать, как видится аутизм в философской теории двух сенсориумов человека. Эта теория возникла в рамках Московской антропологической школы [4]. Суть этой теории состоит в том, что она предполагает принципиальное различие между сенсориумом, обеспечивающим отношение человека к вещам, и сенсориумом, обеспечивающим отношение человека к самому себе. Формировать сенсориум человека к вещам стали греки.

«Фюзис»

Когда-то греки изобрели слово «фюзис». Этим словом они обозначили то, что мы сейчас называем природой. Что сделали греки? Они открыли существование природы, достаточной для того, чтобы создать мир вне зависимости от богов. Они сделали богов безработными. Но боги сумели отомстить грекам. Они попросили Аристотеля включить в понятие материи целевую причину. С тех пор материализм, а также естественно-научное прочтение природы постоянно нуждались в субъекте, в том, кто из материи что-то должен был сделать. Материи требовался мастер. Существование субъекта было невыносимо для философии, и, кажется, сегодня от него окончательно отказались. Тем не менее мы с вами говорим о недостаточности фюзиса греков для объяснения существования человека. Нам мало четырех стихий. Мы хотим к ним добавить пятую.

Пятая стихия

Почему разговоры о сознании опасны для физиков и материалистов? Потому что если они решат, что сознания нет, а мир един, то тогда им нужно будет как-то объяснить, а кто наблюдает этот мир? И кто наблюдает за наблюдателями? Ответить на этот вопрос невозможно. Если же они решат, что сознание в мире все-таки существует, то тогда им нужно будет признать фундаментальную разорванность мира. Признать, что в физической реальности есть какая-то дыра, в которую ускользает все ее содержание. Все обнуляется, и материя, в конечном счете, исчезает, как она когда-то исчезала в конце XIX в. Что делать с этой дырой, никто до сих пор не знает.

Но сегодня стала заметна одна деталь, на которую основной поток европейской и американской философии до сих пор не обращал никакого внимания, а именно: тот очевидный факт, что все мы с вами грезим. Нет ни одного человека, который бы не грезил. Мы спим, когда спим, и спим, когда бодрствуем. Мы спим наяву, ибо искусство, мораль и право – это и есть наш сон наяву. Человек видит то, чего нет, и не видит то, что есть.

Итак, у нас с вами есть галлюцинации. У галлюцинаций есть еще объекты. И нам надо с ними что-то делать, ибо с ними жить невозможно. А почему с ними жить невозможно? Потому что с ними у нас все будет двоиться, и в этой раздвоенности никак нельзя будет понять, имеем ли мы дело с вещью или же только с тенью от вещи.

Возникает вопрос: на что мы, ослепленные своей раздвоенностью, можем полагаться в своих действиях?

Нейронные гиперсети

Ученые и новые материалисты нам скажут, что мы можем полагаться на мозг и нейронные гиперсети [5]. И это будет, видимо, правильно, потому что это наш вычислительный и рассчитывающий центр. Но где мы видели грезящих животных? Их нет. Хотя у них также есть мозг и нейронные сети. Животные спят, но не грезят. Они бодрствуют даже тогда, когда спят. Все они подчиняются законам эволюции теории Дарвина, которые запрещают животному грезить. Если, конечно, не считать грезой оестествленные квалиа живого, а именно: цвет, звук, запах. Вообще-то их нет, но у животных они есть. Но эти квалиа не относятся к субъективности. Они относятся к объективным свойствам жизни в биоценозе.

Природа не грезит. Если бы наш мозг мог отличить естественное от искусственного, то тогда у нас не было бы никаких проблем. Мы бы с вами галлюцинировали, а он бы нам говорил, что эти галлюцинации – всего лишь тени вещей, что это всего лишь кажимости, которые непригодны для жизни. Нам

нужно лишь отодвинуть их в сторону или вовсе выбросить на свалку. Но мозг этого не делает. Эволюция его этому не научила. А кроме нее учить его было некому. И в этом состоит наша проблема. Наш интеллект, т.е. мозг, или, как говорят философы, рассудок, не отличает изображение вещи от самой вещи. Для него это одно и то же. Мы только подумаем о том, чтобы съесть банан, а он, наш мозг, считает, что мы его уже съели. Он не понимает, когда мы думаем и когда мы что-то делаем. Для него это одно и то же. Он считает, что мы смотрим на вещь, если мы смотрим на картину. Он вообще не понимает, для чего мы смотрим на то, на чем вообще нет никаких предметных изображений. Ему все равно, имеем ли мы воображаемый талер или реальный. Наш интеллект показывает нам одни и те же узоры независимо от того, делаем ли мы что-то сами или мы только смотрим на то, что как все это делают другие. Для него это, опять-таки, одно и то же.

Бытие как нереальный предикат

Иными словами, для интеллекта бытие нереальный предикат. Оно ничего не прибавляет к понятию и ничего не отнимает от него. И самое главное – мозг ничего не понимает во времени. Почему он его не понимает? Потому что на самом деле никакого времени нет, и мозг это отлично знает. Животные живут в пространстве, а не во времени. Это знают также наши дети, которых мы с большим трудом заставляем поверить в то, что время есть. Когда мы думаем о том, что нам делать завтра, наш мозг не понимает, что такое завтра, и заставляет нас считать, что завтра – это сегодня. И вчера – это для него тоже сегодня.

Галлюцинации как болезнь природы

Какова же причина этой неумелости интеллекта? Причина объясняется просто: мозг – это продукт эволюции. У кого-то он есть, у кого-то его, как у осьминога, нет. Что привык делать наш интеллект? Прокладывать колею для нашего организма в окружающей среде.

Но откуда же у нас берутся галлюцинации? Галлюцинации – это не болезнь человека, как привыкли думать многие. Галлюцинации – это болезнь природы, ее внутренний разрыв, в котором она перестает быть самой собой, уклоняется от себя. Проще говоря, галлюцинации являются побочным продуктом деятельности нашего мозга, который привык раскрашивать в цвета различные физические волны. Именно об этом мы говорим, когда говорим, что у нас брызги из глаз посыпались. Сами по себе эти мозговые раскраски не существуют без различающего их восприятия нашего организма. Поэтому радуга появляется из глаз, а не из мозга. Наш организм в силу какой-то спонтанности привык складывать из них различные формы, которые мы не можем отличить от натуральных, если у нас нет сознания. Так появляются кажимости, то, что, не будучи вещью, показывает себя как вещь.

Для чего нам сознание?

Сознание нам нужно для того, чтобы делать то, что не может сделать интеллект. Для интеллекта есть только вещи, для сознания есть кажимости и вещи. Кажимость – это то, что, не будучи вещью, показывает себя как вещь. Что мы можем делать с сознанием? Сознательно мы можем делать то, что нельзя сделать, полагаясь на интеллект. Например, изобретать образы, ставить цели, верить. Что мы делаем для того, чтобы у нас было сознание? Мы рисуем или ходим на выставки смотреть на картины. Иногда мы считываем образы со сцены театра или читаем Достоевского. Но чаще всего непроизвольно читаем молитвы в церкви или своей душе. Все это имеет смысл, если у нас есть уже-сознание или уже-понимание того, на что мы смотрим.

Итак, что же нам, грезящим, остается делать, если у нас все двоится? На что мы можем полагаться, если все нам кажется мнимым? Если для наших нейронных сетей мнимое и реальное – это все одно и то же? Можно, конечно, как это делают философы, одно из двух попытаться назвать мыслью, а другое – бытием, чтобы затем их отождествить. Но тождество бытия и мысли опасно для жизни человека. Оно не опасно, как говорил Парменид, только для богов.

У человека есть, видимо, только один выбор. Либо ему нужно однажды перестать быть, либо ему нужно избавиться от галлюцинаций, выбросить их из головы. Но как можно выбросить то, что тебе мерещится снова и снова? Ведь мы не субъекты относительно своих галлюцинаций. Не мы их приглашаем, они сами к нам приходят. Их нужно объективировать. Что значит объективировать? Объективировать – значит стать художником, святым или философом. Что значит стать художником? Это значит, что тебе самому нужно стать причиной реальности объектов своих грез. Если мы все это сделаем, то мы окажемся ни где-нибудь, а в пещере Шове среди изображений фигур животных. То есть откуда мы пришли? Из пещеры, вопреки эволюции. Искусство изначально было не искусством, а способом избавления от взрывающих человека галлюцинаций. Мораль была не моралью, а учреждением новой реальности, которая начиналась с дара, а не с присвоения.

Взрыв галлюцинаций

Взрыв галлюцинаций – это, пожалуй, самое главное событие в жизни человека вообще. Но если когда-то был взрыв, то это значит, что галлюцинации какое-то время накапливались и с ними все время шла какая-то скрытая работа. Каков же результат взрыва? Наглядный – это наскальная живопись. Не наглядный – это возникновение сенсориума человека. Что входит в этот сенсориум? В этот сенсориум входят чувство самого себя, чувство принадлежности к целому, чувство времени, чувство реальности и чувство Бога.

Теперь мы можем ответить на вопрос, что такое человек и что такое сознание. Человек – это его грезы. Грезить – значит быть во времени. Сознание – это не нейронные гиперсети [6]. Это не вещь. Это вообще не

часть мира. Это способ расширения реальности посредством учреждения существования объектов грез. То есть сознание – это не продукт эволюции. Сознание является результатом взрыва галлюцинаций. Поэтому говорить, что сознание – это мозг, это величайший предрассудок современности. Мозг – это не сознание, а электричество. Если мы введем в мозг трупа мощный заряд электричества, то увидим не сознание, а видимость жизни. Труп воспроизведет движения, совершаемые живым человеком.

Для чего сознание нам нужно? Не для того, чтобы что-то знать о мире, не для работы с информацией, для этого всего существует интеллект. Сознание существует для воздействия человека на самого себя во времени посредством мнимостей, а не электричества. Чтобы воздействовать на себя, человеку нужно создать себя. Мы создаем себя посредством воображения. В несовпадении человека с самим собой навсегда растворена мучающая его двойственность. Совпадение же человека с самим собой означает его конец. Заметим, что время – это опять-таки не качество вещей, это свойство сознательной жизни человека, которое возникает в результате воздействия человека на самого себя. И ничем это воздействие заменить нельзя. Что это за воздействие? Еще раз повторим: это учреждение существования объектов галлюцинаций. Или, что то же самое, желаний. Сознание – это такой нефизический клей, который позволяет нам склеивать существование и объекты грез.

Что это значит? Это значит, что нечто начинает существовать, если мы относимся к нему как к существующему. В этом случае бытие перестает быть нереальным предикатом, потому что оно перестает быть предикатом чувственных вещей и становится предикатом сверхчувственных вещей, которые существуют, если мы к ним относимся как к существующим. В этом состоит вся так называемая тайна воздействия сознания на тело.

Человек живет не в мире вещей как вещь. Человек живет вне этого мира. Он живет в мире призрачных объектов галлюценоза сознания. Аффект для человека – это не природный феномен, это не трамплин для прыжка животного. Аффект является приватизированной галлюцинацией. Причина аффекта коренится в несовпадении человека с самим собой, что, помимо прочего, является условием непрерывно возобновляемого аффективного тока в галлюценозе сознания.

Рождается ли аутист из грезы?

Сегодня нужно сделать то, что когда-то не сделали греки. Нужно к четырем стихиям природы добавить еще одну пятую. Греки – наивные материалисты не потому, что они одушевляли мир, а потому что они не обращали внимания на разрыв природы, на галлюцинацию. Смысл природы состоит в том, что вне природы. Вне природы находится не какая-то еще одна параллельная природе реальность, а субъективность, рожденная из галлюцинации. Человека рождает не труд. Человек рождается из галлюцинации. Но рождается ли аутист из грезы?

Каждое субъективное выражение, по словам Фреге, можно заменить объективным. Это высказывание ошибка. Субъективное нельзя заменить объективным. Между ними лежит разное отношение к каузальности, обусловленное существованием галлюцинации. В свою очередь, это различие поясняет, почему техническое не может возникнуть из объективного. Оно может возникнуть только из субъективности, а не из природы. Ответив на вопрос, что такое человек, сознание и интеллект, теперь можно будет попытаться понять феномен аутизма. Прежде всего хотелось бы ответить на вопрос: не машина ли аутист?

Машины

Машины не говорят, не коммуницируют, не распознают образы. Как их научить? Для этого существует машинное обучение. Чтобы научить машину, нужно, говорит Б. Галицкий, написать программу [7]. Что значит написать программу? Это значит создать язык, состоящий из двух слов – «да» и «нет», или двух знаков «0» и «1». И на этом языке программа должна ответить на правильно поставленные вопросы. Естественный же язык создавался не для обработки информации. Слова были нужны нам не для обозначения вещей. Для всего этого существуют мозг и нейронные сети.

Язык создавался для причастности людей к сознанию, к тому, что может связывать людей во времени. Говорить – это не значит сознавать. Говорить – значит претендовать на причастность сознанию, которое уже у кого-то есть. В пещере Шове сознание и человек появляются вместе. Быть причастным сознанию не означает, что ты его имеешь. Это значит, что ты принимаешь его вместе со всеми его смыслами как реальность.

Язык программы создается учеными не для причастности машины к сознанию, а для обработки информации. Аутисты, как и машины, не говорят, не коммуницируют, не распознают образы. Их тоже надо учить все это делать.

Но как? Как человека или как машину? И что такое быть машиной? Быть машиной – значит до бесконечности повторять одну и ту же операцию. Аутист любит стереотипы. Он тоже может многократно повторять одну и ту же фразу и одно и то же действие. Но машине нужен машинист. Аутисту машинист не нужен. Он может оставаться машиной до тех пор, пока у него не появится желание перестать быть вычислительным разумом. Что это значит?

Это значит: аутист – это не машина. Это человек с невзорвавшимися галлюцинациями. У него, как и у всех людей, сломан инстинкт. А если он сломан, то его интеллект зависает, теряет ориентиры: организм есть, а среды применения нет. Все люди находят выход из ситуации. Мы помещает наш интеллект в поле сознания. Но аутист почему-то этого не сделал. Он видит себя как память и число. Почему он не разместил свой интеллект в поле сознания? Потому что не взорвались его галлюцинации. Аутист поэтому вынужден будет делать только то, что может сделать его потерявший якорь интеллект. И он останется аутистом, видимо, до тех пор, пока не захочет учредить объект какой-нибудь грезы. Между тем, чтобы что-то учредить, нужно перестать совпадать с собой, нужно взорваться. Несовпадение с собой явля-

ется причиной аффективного тока у человека, который, однако, отсутствует у аутиста.

Для того чтобы возникло чувство самого себя, аутисту нужно также попасть в ситуацию, в которой интеллект ничем ему помочь не может. Что не может делать интеллект, делает сознание. Сознание нужно не тому, кто говорит. Говорить можно и без сознания. Оно не нужно тому, кто живет в обществе, ибо жить в обществе можно и без сознания. Сознание нужно тому, кто грезит. Оно нужно не для вычислений и не для того, чтобы что-то помнить. Чтобы соблюдать социальные правила, оно также не нужно. Сознание не нужно и для прохождения теста Тьюринга.

Два сенсориума

Поскольку интеллект не может отличить вещь от картины вещи, человека – от вещи, живое – от неживого, аутист, реагируя на цвет, на запахи и звуки, думает, что существует только то, что повторяется. То, что не повторяется, не существует. У аутиста есть сенсориум для жизни в мире вещей. Но у него нет сенсориума для жизни в мире времени. Между тем чувственное в объекте не может определять сверхчувственное в человеке. Проблема состоит в том, чтобы помочь аутисту сформировать сенсориум для жизни в галлюценозе сознания. Как? В созидании через произвол, через рекурсивную связь свободы, субъективности, воли и разума. Проблема аутизма разрешается размещением интеллекта в поле сознания.

Если кто-то думает, что аутист – это биомашина, это также ошибка. Потому что его биомашина сломана. Его интеллект не встроен в инстинкт. Аутист вопиет о сознании. Ему требуется сознание для того, чтобы он мог встроить свой интеллект в новую реальность. Аутист – это интеллект без сознания и без инстинкта. Если мы не сделаем его причастным сознанию, то он может стать машиной без машиниста, то есть автоматически действующей монадой.

Какую ошибку мы делаем тогда, когда, как Ламетри, объявляем человека машиной? Машину нельзя научить галлюцинировать. А человека можно заставить быть машиной.

Резюме

Учитывая все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что сознание не приурочено к телу. Тело соотносится с телом. Сознание соотносится с галлюцинацией. Сознание – это способ выживания человека в раздвоенном мире. Аутист застревает на пути перехода от интеллекта к сознанию.

Список источников

1. Шпицберг И.Л. Коррекция нарушений развития сенсорных систем у детей с расстройствами аутистического спектра // Аутизм и нарушения развития. 2013. № 2. С. 33–45.
2. Гиренок Ф.И. Аутография языка и сознания. М. : Проспект, 2017. 256 с.
3. Кристева Ю. Ребенок с невысказанным смыслом // Философская мысль Франции XX века. Томск : Водолей, 1988. С. 297–305.
4. Ростова Н.Н. Время манифестов: сингулярное событие в мире современной философии // Философия хозяйства. 2019. № 3. С. 253–259.
5. Ростова Н.Н. Аджорнаменто антропологии: преодоление границы между природой и культурой // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36, № 4. С. 731–750. doi: 10.21638/spbu17.2020.411
6. Анохин К.В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2021. Т. 71, № 1. С. 39–71. doi: 10.31857/S0044467721010032
7. Galitsky B. Computational Autism. Springer International Publishing Switzerland, 2016. 380 p.

References

1. Shpitsberg, I.L. (2013) Korrektsiya narusheniy razvitiya sensornykh sistem u detey s rasstroystvami autisticheskogo spektra [Correction of disorders in the development of sensory systems in children with autism-related disorders]. *Autizm i narusheniya razvitiya*. 2. pp. 33–45.
2. Girenok, F.I. (2017) *Autografiya yazyka i soznaniya* [Autography of language and consciousness]. Moscow: Prospekt.
3. Kristeva, J. (1988) Rebenok s nevyskazannym smyslom [A child with an unspoken meaning]. In: *Filosofskaya mysl' Frantsii XX veka* [Philosophical thought of the 20th-century France]. Tomsk: Vodoley. pp. 297–305.
4. Rostova, N.N. (2019) Vremya manifestov: singulyarnoe sobytie v mire sovremennoy filosofii [The Time of Manifestoes: A Singular Event in the World of Modern Philosophy]. *Filosofiya khozyaystva*. 3. pp. 253–259.
5. Rostova, N.N. (2020) Adzhornamento antropologii: preodolenie granitsy mezhdu prirodoy i kul'turoy [Ajornamento anthropology: overcoming the border between nature and culture]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*. 36 (4). pp. 731–750. doi: 10.21638/spbu17.2020.411
6. Anokhin, K.V. (2021) Cognitome: In Search of Fundamental Neuroscience Theory of Consciousness. *Zhurnal vysshey nervnoy deyatel'nosti im. I.P. Pavlova*. 71 (1). pp. 39–71. (In Russian). doi: 10.31857/S0044467721010032
7. Galitsky. B. (2016) *Computational Autism*. Springer International Publishing Switzerland.

Информация об авторе:
Гиренок Ф.И. – д-р филос. наук, зав. кафедрой философской антропологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: girenok@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
F.I. Girenok, Dr. Sci. (Philosophy), head of the Philosophical Anthropology Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: girenok@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022;
одобрена после рецензирования 02.05.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 29.03.2022;
approved after reviewing 02.05.2022; accepted for publication 30.06.2022.